

Куда деться «Спящей красавице»?

Заведующий балетом Мариинского театра Махар Вазиев боится потерять часть труппы

Майя Крылова
Санкт-Петербург–Москва

Нынешний театральный сезон в Мариинском театре – последний перед закрытием старинного здания на ремонт и реконструкцию. Это время окажется суровым для коллектива театра. Ведь в отличие от Большого театра у Мариинки нет второй сцены, и вопрос «Куда деться артистам?» – главный в повестке дня.

-Махар Хасанович, осенью здание Мариинского театра должно закрыться на реконструкцию. Как планируете жить в трудное время ремонта?

– Привычных условий стационара не будет, это самая большая проблема. Сегодня у нас в работе 45 названий. В условиях ремонта удобней показывать камерный репертуар, временно убрав с афиши масштабные спектакли. Но Мариинский театр всегда был хранителем классического наследия, и мы не можем допустить, чтобы балеты большого формата выпали из репертуара. При этом технические параметры городских площадок не позволяют показывать отдельные спектакли во всей полноте, если на сцене помещаются не четыре линии кордебалета, а только три. Нам предлагали несколько площадок для выступлений. Театр подписал соглашение с Дворцом культуры имени Ленсовета. Но и здесь будет трудно с «Баядеркой» или «Спящей красавицей»: нельзя смонтировать декорации в полном объеме. Мы обратились в Академию Вагановой, они обещали предоставить театру репетиционные залы. Но школе самой нужны ее помещения, и в какой степени академия сможет обеспечить наши потребности без ущерба для учебного процесса, пока не совсем ясно.

Независимая - 2006 - 18 апр - с.8.

Махар Вазиев может быть суровым, но наказывать людей не любит.

Фото Натальи Разиной

– Одно время вы публично и в резких выражениях дискутировали с руководством академии. Вы говорили, что кадры, подготовленные школой, не отвечают мировым стандартам, потому что выпускники владеют только одним типом танца – классическим, да и тут не без недостатков типа плохих стоп.

– Наши споры не означают конфликта. Это нормальная дискуссия. Я и сегодня считаю, что артист балета XXI века должен владеть широким диапазоном возможностей, а это может дать школа, в которой хорошо учат не только классике, но и прочим техникам танца.

– Могут ли во время ремонта возникнуть проблемы с сохранением труппы? Уже сего-

дня некоторые артисты Мариинского балета начинают подыскивать другие места работы.

– Вы хотите спросить, боюсь ли я, что потеряю многих артистов? Да, боюсь. И даже очень. Но в то же время я их понимаю. Для артиста балета 15 месяцев (планируемый срок реконструкции театра) – большой отрезок творческой биографии. И хорошо бы, если б этот срок в реальности был выдержан. А вдруг, не дай Бог, ремонт затянется? Если труппа не сохранится на нынешнем уровне, понадобится много времени, чтобы восстановить ее качество.

– Валерий Гергиев в одном интервью сказал: вот балеты Шемакина ругали, но их легко продать, а постановки Форсайта хвалят знатоки, но про-

дается он со скрипом. Насколько вы, планируя репертуарную политику, зависите от кассы?

– Сборы очень важны. Но вместе с тем такому театру, как Мариинский, неверно рассматривать каждый проект только как коммерческий. У театра должна быть художественная концепция и право на творческий эксперимент. Понятно, что публика охотней идет на «Лебединое озеро». В год на стационаре мы показываем 120 балетов. И что? Давайте танцевать одно «Лебединое»? В Мариинке есть отдел, который занимается продажей билетов. Может быть, не Форсайт плохой, а это мы недорабатываем в плане рекламы его балетов?

– Судя по афише, руководство Мариинского балета стре-

мится доказать миру, что пиретская труппа – универсальный гений и может хорошо танцевать все, от старинной классики до ультрасовременных постановок.

– Я не преследую такой цели. Мне интересно не то, что мы можем, а то, что мы еще не можем. Самое главное в искусстве балета – умение учиться. Сегодня я не представляю хорошую классическую труппу без балетов Баланчина или «Этюдов» Ландера. И важна «обратная связь»: постигая иную технику танца, иной стиль, мы собственные классические балеты начинаем танцевать лучше. Потому что тело танцовщика раскрепощается, улучшается координация. И еще. Мы говорим о том, что в России нет хороших балетмейстеров. Но ба-

летмейстеры-то выходят из артистов! Если вы не дадите им исполнять лучшее в мировой хореографии, у будущих постановщиков не появится шанс сформироваться.

– Рано или поздно на каком-то этапе популярности звезды думают, что не они для театра, а театр для них.

– Я ответственно заявляю: все артисты, без исключения, обязаны театру. Мариинский театр – коллектив высоких профессионалов, артистов и педагогов, он формирует исполнителя, и не надо об этом забывать. Все звезды Мариинки состоялись как творческие личности в спектаклях театра, в них получили известность и, кстати говоря, «раскрутку». Я с уважением отношусь к частной карьере наших балерин и танцовщиков. Но, когда они уезжают на личные гастроли, в спектакли вводится талантливая молодежь. Это нормальная творческая провокация, это нужно для движения вперед. Конечно, конкуренция не нравится «маститым».

– Считается, что вы – грозный руководитель. Так и рассказывают: труппа танцует, а за кулисами стоит Вазиев, чуть ли не с плеткой в руках, и, если что не так, санкции разного рода следуют незамедлительно. Например, отлучение от выгодной гастрольной поездки.

– Жестким надо быть в работе, чтобы добиться результата. Но не жестоким к людям. Это часто путают. Обими сторонами, и руководством, и артистами, должна поддерживаться дисциплина и корпоративная этика. Артист не может говорить хореографу «я это танцевать не буду, потому что не хочу» или раздавать интервью, в которых критикуются действия театральной дирекции. Я могу быть суровым, но я не большой любитель наказывать людей, гораздо важнее найти общий художественный знаменатель. ■